УДК 316

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

© 2008 г. ***В.Н. Кузьминых***

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

valval.06@mail.ru

Поступила в редакцию 03.11.2008

Анализируется изменение рамок рассмотрения жизненного пути личности в социологии. Рассматриваются теоретические и методологические предпосылки изучения жизненного пути в социологии, выделяются основные теоретические подходы в рамках данного направления исследований. Делаются акценты на эволюции роли процесса социализации в развитии жизненных путей и на проблеме институционализации жизненного пути в обществе позднего модерна.

Ключевые слова: жизненный путь, институциональная структура, индивидуализация, социализация, общество позднего модерна, жизнесобытийный анализ.

Современные теоретические модели в социологии придают новое значение индивидам и индивидуальному существованию. С одной стороны, это объясняется мощными объективными процессами трансформации социальной жизни, то есть факторами онтологического характера. Например, как доказывает У. Бек, в период рефлексивного модерна ослабляется значение таких социальных структур, ранее определяющих индивидуальные идентичности, биографии и жизненные ситуации, как классы, расширенная семья, профессиональные сообщества, долговременная занятость в одной фирме [1]. Если более ранние аграрное и индустриальное общества предлагали социальные сценарии и ожидали, что большинство индивидов будут следовать им, то современное общество вынуждает индивидов создавать свои собственные биографии и идентичности и ориентироваться в рискованной социальной системе, руководствуясь лишь собственной рефлексивностью. Следствием этих процессов является феномен индивидуализации, который, согласно емкому обобщению З. Баумана, заключается в том, что индивидуальная идентичность преобразуется из «дано» в «найти», а ответственность за выполнение этой задачи и за последствия возлагается на отдельных людей [2, с. 39]. Таким образом, в современных идеях индивидуализации и рефлексивности содержится мысль о том, что индивиды являются и в возрастающей степени становятся деятелями.

Фиксируемые глубочайшие изменения в ткани социальной реальности не могут не сопровождаться поворотом в методологии изучения природы этой реальности, что является вторым фактором, смещающим традиционное рассмотрение индивидуального существования в современной социологии. Как утверждает В. Ядов, нашему времени наиболее адекватен активистский подход, «по существу сформулированный Марксом в его утверждении о том, что люди, рождаясь при одних обстоятельствах, своей практической деятельностью создают новые, иные обстоятельства общественной жизни» [3, с. 18]. Деятельностно-активистский подход к анализу социальных процессов, развиваемый в трудах Дж. Александера, М. Арчер, П. Бурдье, Э. Гидденса, П. Штомпки и др., стремится совместить макросистемный и микроповседневно-жизненный уровни социального анализа.

Например, Э. Гидденс утверждает аналитическую первичность «социальных практик» относительно общественных систем: социальная жизнь представляет собой сплетение повседневных практик, то есть сводится к существованию индивидов в конкретных контекстах. Упорядоченность практик порождается не включенностью человеческого действия в макросоциальный порядок, а его рутинизацией в среде повседневности. Упорядоченные практики конституируют социальные системы и, в частности, общества, которые утрачивают у Гидденса свой фундаментальный характер и уподобляются барельефам, выступающим над бесконечно сложным сплетением практик. «Это значит, что социальный анализ, начинающийся как вполне объективный анализ институциональных форм, должен вести к реконструкции определяемых ими особенностей непосредственного опыта людей,

который в результате предстает как неразрывное единство объективного и субъективного аспектов» [4, с. 47, 48.].

Поэтому закономерно, что в поиске элементов, конструирующих социальность, социальные науки все чаще фокусируются на индивидуальных биографиях и индивидуальном жизненном пути. Социологи обращаются к «социологии жизни» как исследовательской парадигме, исходящей из признания «первичности» жизненного мира в конституировании и институционализации всей социальной реальности, в т.ч. системного мира, говорят о назревающем кардинальном «биографическом повороте» в социологии и о формировании в западной социологии парадигмы жизненного пути [см. 5; 6; 7].

Если рассматривать теоретические и методологические предпосылки изучения жизненного пути в социологии, то следует заметить, что ранее социальная наука не испытывала симпатии к индивидуалистическим подходам и, как правило, исключала биографии из сферы своих интересов вследствие того, что научной парадигме в целом была свойственна чрезмерная требовательность к надличностной объективности и обобщениям. В социологии индивид занимал достаточно подчиненное положение вследствие утвердившихся концепций научного метода исследования, который доминировал и в социальных науках до недавнего времени. Методы генерализации и абстракции давали возможность увидеть феномен сквозь призму одной определенной перспективы, генерирующей знание, при отбрасывании всех других.

Перед социологией, как областью знания, ставилась задача давать валидные обобщающие знания об обществах, их структурах и процессах и о развитии в целом. Понимание индивидов было подчинено этой цели, и в результате было невозможно изучать целостность человеческой жизни так же, как и актуальные возможности потенциального деятеля [8, с. 10].

Поэтому обращение к исследованию жизненных путей было обусловлено стремлением выявить и проанализировать социальную и институциональную структуру общества через изучение биографий членов этого общества из нескольких следующих друг за другом когорт. Эта идея, в свою очередь, коренилась в осознании того, что закономерности в частоте и временной последовательности событий, характеристик и позиций в жизни человека в значительной степени обусловлены общественными структурами. Поэтому изменения биографий должны иметь прямое соответствие в исторической трансформации общества [9, с. 15].

Согласно обзору исследований жизненных путей в Германии Х.-П. Блоссфельда и И. Хьюнинка, перспектива индивидуального существования включалась в социальный анализ в виде «продвинутой жесткой количественной методологии лонгитюдного анализа» [там же], где индивидуальный жизненный путь, в силу своей очевидной институционализации, воспринимался, как шестеренка в слаженном механизме функционирования всех социальных институтов. Благодаря тому что индивидуальный жизненный путь рассматривался как дискретный, состоящий из отдельных событий, связанных каузальной зависимостью, этот концепт давал возможность тестировать функционирование институтов, в числе которых – образование, трудовая деятельность, рынок труда, семья. Анализ жизненных путей, таким образом, выступал в основном как «существенный элемент динамически ориентированного социального исследования во многих исследовательских областях» [там же, с. 36], таких как исследования неравенства и рынка труда, образовательных карьер, профессиональных карьер обоих партнеров в период их отношений, трудовой занятости и профессионального статуса, изменений структур семьи и домашнего хозяйства, возраста и старения.

Приоритет общества над индивидом более всего ощущался в рамках функционалистской традиции, где индивиды представляли интерес постольку, поскольку они выполняли нормативные требования тех социальных структур, частью которых являлись. Индивиды определялись как носители социальных ролей, необходимые для заполнения соответствующих ячеек, предусмотренных обществом. Сами по себе они мало что привносят в эти роли.

В рамках такой теоретической перспективы нормальными считались стабильные (особенно восходящие) профессиональные и жизненные пути, так как они имеют социально интегративный эффект: они мотивируют к достижениям и росту удовлетворенности. Стабильность социально-профессионального пути личности функциональна для социальной структуры и в ином смысле: она создает предсказуемость действий и вынуждает систему

к незатратным приспособлениям к новым состояниям [10, с. 62].

Идеализированный конформизм, приписываемый носителям ролей, был одним из пунктов расхождения функционалистской социологии с ее критиками, стоящими на позиции символического интеракционизма. С того момента, когда они начали теоретически рассуждать о ролях как о «создаваемых» в большей степени, чем «исполняемых», и уделять внимание интеракциям, благодаря которым индивиды ищут свой путь в социальных структурах, возникла большая часть социобиографической традиции, например, в Америке.

Если отталкиваться от эволюции научной парадигмы в целом, то можно отметить, что в рамках структурализма, продемонстрировавшего силу влияния языка, дискурсов и символических систем, идея индивида как субъекта воспринималась крайне критично. Идеологиям и культурным системам приписывалась способность воспроизводить себя без вмешательства агентов – наподобие алгоритмов компьютерных программ. Но как только была признана бесконечная сложность дискурсов и языка, идея полной детерминированности индивидуального и социального опыта стала несостоятельной. Новый постструктурализм стал придавать значение случайности и тому, что находится вне символических систем, потому что индивиды оказались в ситуации выбора между конкурирующими и противоречивыми дискурсами и, таким образом, сами вынуждены были делать выбор [8, с. 14].

Социологическая парадигма неоинституционализма выдвигает на первый план не сами институты – структуры, а субъектов, их поддерживающих или изменяющих. Социальные агенты первоначально социализируются в рамках тех социальных институтов, которые уже существуют, лишь позже, приобретя должный личностный и статусный ресурс, своими практическими действиями влияют на изменение социальных институтов и других структур, вплоть до радикальных их преобразований. Появляется теоретическая основа для исследований, в основе которых лежит признание за индивидами определенных жизненных стратегий, траекторий и типов самоидентификации в качестве первичных строительных блоков, при помощи которых возможно создание более обобщенных представлений об обществе, и «можно утверждать, что рубеж между «фоном» и «действием»… является наиболее горячо оспариваемой границей, определяющей контуры карты Lebenswelt (жизненного пространства), и, косвенно, траектории жизненных путей» [11, с. 329].

Часто развитие исследований жизненных путей связывают с отказом от концепции социализации, которая доминировала в социологии до 60-х годов XX в., когда «эта категориальная структура стала все меньше подходить для объяснения вопросов, которые касаются неразрывной связи жизненного цикла и изменений». В 1975 году на конференции Американской социологической ассоциации в целях размежевания с представлением о жизни как движении по кругу, возвращении к исходному, термин «жизненный путь» (life course) заместил получивший распространение ранее термин «жизненный цикл» [10, с. 62].

Несмотря на то что концепция социализации носила достаточно завершенный характер, она не могла дать приемлемых ответов на вопросы относительно связи жизненного цикла и изменений, возрастных фаз, критических периодов, роли социального контроля в индивидуальных жизнях. В результате многие ведущие исследователи в области социализации, например Д. Клаузен, О. Брим, А. Киркхофф, Э. Элдер стали, изучать жизненный путь.

Орвилл Брим в 1950-х, 1960-х гг. при исследовании роли семейной социализации в процессах развития в зрелом возрасте обнаружил, что социализация не способна осветить многие фундаментальные аспекты развития в зрелом возрасте, например, ответить на вопрос, чем управляется жизнь и карьера. Это привело Брима к изучению периода зрелого возраста, и он сосредоточился на жизненном пути, а не на социализации. Очевидность существенного изменения поведения в период между ранним детством и старостью вызвала сомнения в стратегической ценности исследования ранней социализации [5, с. 24].

Также исследование Э. Элдера «Дети Великой Депрессии» начиналось как традиционное изучение влияния социальной структуры на личность через модели семейной социализации. Проверяя аналитические модели семейной адаптации в ситуациях, различающихся по времени и месту, Элдер получил возможность выстроить общую теорию, которая связывала жизни людей и меняющийся мир. Таким образом, Элдер, отказавшись от концепции социализации,

соединил исследования социальных изменений во время Депрессии и изучение человеческих жизней и развития [5, с. 24–26].

В результате переосмысления роли социализации в развитии жизненного пути на смену ограниченной ролевой модели пришла концепция социализации как «социального строительства» личности. При этом жизненный путь рассматривается не как последовательность привязанных к определенным возрастам ролей, а как цепочка фаз жизни, которые вместе с опытом приобретают в процессе социализации различное значение.

Таким образом, социализация стала пониматься более широко, протяженностью в жизнь, и появились модели социализации, рассматриваемой как сумма диспозиций, приобретенных на разных этапах жизни. По мнению М. Коли, социализация может идти по модели кумуляции, когда диспозиции, заложенные в детстве, усиливаются во взрослости, по модели компенсации, когда депривационные эффекты, пережитые в детстве, внезапно сказываются во взрослости, а может свестись к процессам взаимной акцентуации, то есть социализации и селекции [10, с. 63].

Уже функционалисты встали перед дилеммой: десоциализация или выход из какой-либо роли тем затратнее и результат ее/его тем менее ясен, чем лучше личность была первоначально в этой роли социализирована. Теперь, когда нестабильность и процессуальная природа социальной реальности очевидны, в понимание задач социализации входит приспособление к социальному изменению, способность к «третичному обучению» [11, с. 120], к ресоциализации, которая понимается как процесс, в результате которого происходит разрушение ранее усвоенных норм и образцов поведения, вслед за которым идет процесс усвоения или выработки иных норм.

Среди всех концепций, описывающих драматическое положение личности как субъекта ориентирования в современном мире, приведем наиболее емкие метафоры З. Баумана: «Сегодня в движение пришли не одни только люди, но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки... Жизненный успех (и тем самым рациональность) людей постмодернити зависит от скорости, с какой им удается избавляться от старых привычек, а не от скорости обретения новых. Лучше всего вообще не проявлять беспокойства по поводу выбора ориентиров; лучшая привычка — это обходиться без всяких привычек» [11, с. 123]. Сегодня целостная и единая социальная идентичность, сформированная в детстве и структурирующая ценностную иерархию на всю последующую жизнь, из базовой опоры самости превращается в обузу, мешая «гибкости», необходимой для выживания в современном обществе. Поэтому проблема динамики процессов социализации и ресоциализации в ходе ориентирования в жизненном пространстве и выстраивания жизненного пути является актуальным исследовательским полем.

При анализе новой социальной реальности, в которой «жизнь конкретного человека становится биографическим разрешением системных противоречий» [1, с. 57], необходимо возникает вопрос о возможностях и механизмах институционализации жизненного пути в обществе позднего модерна. Для классического модерна был характерен процесс «хронологизации» жизни, вследствие чего жизненный путь стало возможным рассматривать как социальный институт. Если в домодерный период возраст имел лишь категориальный статус, а упорядоченность жизненному пути придавала стабильная принадлежность, то в индустриальную эпоху общество пришло к другой форме, в центре которой — структурный принцип протекания времени жизни, преимущественно биографически упорядоченная форма жизненного пути. Через хронологизацию жизни, ориентированную на возраст, жизненный путь в эпоху модерна приводится к стандартизированному «течению нормальной жизни» [10, с. 62]. Это иллюстрирует так называемый жизненнособытийный подход, существующий в западной социологии, который анализирует «расписание жизни» и соответствующие экспектации. Этот подход берет начало с работ Бернис Ньюгартен (1965), в которых была поставлена задача выяснить социальные нормы и ожидания жизненных событий в соответствии с возрастом. В результате проведенных исследований оказалось, что «сеть возрастных ожиданий врезалась в культурное устройство взрослой жизни. Возрастные нормы и ожидания действуют как побудители и тормоз для поведения. Мужчины и женщины осведомлены не только о социальных часах, которые управляют их жизнями, но и о своем собственном временном расписании»[5, с. 26].

Что касается общества позднего модерна, то многие исследователи склонны считать, что

значение аскриптивных классификационных критериев, таких как возраст (и пол), падает в процессе «модернизации», причем тем больше, чем яснее становится, что способность к достижению мало связана с возрастом, как мыслилось традиционно. Другие, например П. Ариес, утверждают, что индустриализация неразрывно связана с возрастной дифференциацией и сегрегацией, то есть дети и молодежь, с одной стороны, и старшее поколение – с другой, становятся маргинальными группами по отношению к группам «активного» (в смысле занятости) возраста.

По мнению одного из ведущих специалистов в социологии поколений и жизненного пути, М. Коли, социальное значение возраста жизни и ее хронологии не только не уменьшилось, но и возросло. Но эта тенденция относится только к разделению жизненного пути на основные фазы, в рамках которого развертывается вся полнота различных образцов жизненных путей [10, с. 63]. У. Бек также считает, что в обществе позднего модерна жизненные фазы, то есть возраст, являются основанием для современной модели неравенства, в отличие от домодерных и модерных сословных, классовых, профессиональных и прочих групп, т.е. возраст сохраняет и усиливает свой структурообразующий статус [см.: 3].

Кроме того, У. Бек утверждает, что несмотря на атомизацию индивидуального существования индивидуализация сопровождается институционализацией и стандартизацией образцов жизни. Это происходит через тотальную зависимость индивидов от диктата рынка труда, системы образования и потребления, который осуществляется через СМИ. В таких условиях люди, с одной стороны, становятся хозяевами собственных судеб, но, с другой стороны, их жизненные траектории и ситуации единообразно направляются в рамках массовой культуры и массового потребления.

Если учитывать процессы изменений норм семейного цикла, моделей занятости, то очевидны тенденции деинституционализации жизненного пути. «Демографические показатели малодетности, внебрачной рождаемости, разводимости, процесс сдвига образования семьи у молодых когорт на более поздние возраста, значимые статистически явления отказа от рождения детей или выбор альтернативных форм сожительства или сознательное одиночество свидетельствуют о структурном сдвиге в сторону индивидуального выбора конфигурации жизненного пути и плюрализации жизненных образцов» [10, с. 64].

Биографические исследования свидетельствуют, что в формальной структуре жизненного пути осталось неизменным только трехчленное деление жизненного пути на фазы подготовки, занятости и выхода на пенсию, в то время как последовательность, временная привязка и темп дифференцированности внутрибиографических переходов изменились, а также «значительно интегрировались в понятие нормальной трудовой биографии варианты трудовых карьер с частичной занятостью, вторичной, мультизанятостью или прерывистой (особенно примеры “перфорированных” материнством профессиональных карьер женщин)» [10].

Таким образом, структурные характеристики жизненного пути в обществе позднего модерна достаточно сложны и противоречивы, поскольку объединяются две противоположные тенденции: стандартизация жизненного пути и его принципиальная открытость. Поэтому сложно не согласиться с З. Бауманом в том, что «активное участие в продолжающихся усилиях по переосмыслению того меняющегося состояния, в котором оказываются «всё более индивидуализируемые индивиды», борющиеся за внесение смысла и цели в свои жизни, является, при нынешних обстоятельствах, главнейшей задачей социологии» [11, с. 232].

LIFE COURSE IN SOCIAL THEORY EVOLUTION’S CONTEXT

V.N. Kuzminikh

In the article changes in sociological study of life course are analyzed. Theoretical and methodological preconditions for the study of life course are considered, the main theoretical approaches in this sphere of research are singled out. The evolution of the role of socialization process and the problem of institutionalization of life course in late modernity are emphasized.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Бауман З. Текучая современность СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006. 112 с.
4. Фурс В.Н. Критическая теория позднего модерна Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 44–73.
5. Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3.
6. Резник Ю.М. «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 3–12.
7. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социс. 2000. № 2. С. 3–12.
8. Рустин М. Размышления по поводу биографического поворота в социологии // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 7–24.
9. Блоссфельд Х.-П., Хьюнинк И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 15–44.
10. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 334 с.